

Лейкин Николай Александрович

Где апельсины зреют

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Где апельсины зреют / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
486 с.

ISBN 978-5-519-92941-7

ISBN 978-5-519-92941-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

іерусалимскіе-то апельсины продаемъ? — возразилъ Иванъ Кондратьевичъ.

— Ну, это какіе-нибудь жидовскіе, отъ іерусалимскихъ дворянъ.

— Напротивъ, самые лучшіе считаются.

— Ну, ужъ этого я не знаю, а только главнымъ образомъ апельсины въ Италіи и называется Италія—страна апельсинъ.

— Вотъ, вотъ... Апельсинія стало быть и есть, Апельсинскій уѣздъ,—подхватилъ Николай Ивановичъ.

— Что ты со мной споришь! Никакой Апельсиніи нѣтъ, рѣшительно никакой. Я географію учила въ пансіонѣ и знаю, что нѣтъ.

— Ну, тебѣ и книги въ руки. Вѣдь намъ въ сущности все равно. Я хоть въ коммерческомъ училищѣ тоже два года проучился и географію мы учили, но до южныхъ странъ не дошелъ и отецъ взялъ меня оттуда къ нашему торговому дѣлу пріучаться.

— Ну, вотъ видишь. А самъ споришь.

Водворилась легкая пауза. Иванъ Кондратьевичъ Конуринъ апетитно зѣвнулъ.

— Что-то теперь моя жена дѣлаетъ? Поди тоже похлебала щецъ и ужъ спать ложится,—сказалъ онъ.

— Что такое? Спать ложится?—усмѣхнулась Глафира Семеновна.—Совсѣмъ даже, можно сказать, на-противъ.

— То есть какъ это на-противъ? Что-жъ ей дома одной-то объ эту пору дѣлать? Уложила ребятъ спать, да и сама на боковую, отвѣчала Конуринъ.

— А вы думаете, въ Петербургѣ теперь какая пора?

— Какъ какая пора? Да знамо дѣло, ночь, двѣнадцатый часъ ночи.

— Въ томъ-то и дѣло, что совсѣмъ напротивъ. Вѣдь мы теперь на югѣ. А когда на югѣ бываетъ ночь, въ Петербургѣ день, стало-быть не можетъ ваша жена теперь и спать ложиться.

Конуринъ открылъ даже ротъ отъ удивленія.

— Да что вы, матушка Глафира Семеновна... проговорилъ онъ.

— Вѣрно, вѣрно... Не спорь съ ней... Это такъ... подхватилъ Николай Ивановичъ.— Она знаетъ... Ихъ учили въ пансіонѣ. Да я и самъ про это въ газетахъ читалъ. Ежели теперича мы на югѣ, то все наоборотъ въ Петербургѣ, потому Петербургъ на сѣверѣ.

— Вотъ такъ штука! дивился Конуринъ.— А я и не зналъ, что такая механика выходитъ. Ну, заграница! Такъ который-же теперь, по вашему, Глафира Семеновна, часъ въ Петербургѣ?

Глафира Семеновна задумалась.

— Часъ? Навѣрное не знаю, потому это надо въ календарѣ справиться, но думаю, что такъ часъ третій дня, сказала она наобумъ.

— Третій часъ дня... Тсъ... Скажи на милость... покачалъ головой Конуринъ.— Ну, коли третій часъ дня, то значить жена пообедала и чай пить собирается. Она послѣ обѣда всегда чай пьетъ въ три часа дня. Грѣхи! вздохнулъ онъ.— Скажи на милость, куда мы заѣхали! Даже и время-то наоборотъ—вотъ въ какія державы заѣхали. То есть, скажи мнѣ мѣсяцъ тому назадъ: Иванъ Кондратьичъ, ты будешь по нѣмецкой и фран-

цузской землямъ кататься — ни въ жизнь-бы не повѣрилъ, даже плюнулъ-бы.

— А мы такъ вотъ во второй разъ по заграницамъ шлемся, сказалъ Николай Ивановичъ. — Въ первый разъ поѣхали на Парижскую выставку и было болѣзненно, никакихъ заграничныхъ порядковъ не зная, ну, а во второй-то разъ, самъ видишь, путаемся, но все-таки свободно ѣдемъ. Слова дома кой-какія подѣлывали, опять-же и разговорныя книжки при насъ есть, а въ первый разъ мы ѣхали по заграничѣ, такъ я только хмельныя слова зналъ, а она комнатныя, а желѣзнодорожныхъ-то или что насчетъ путешествія — ни въ зубъ. Глаша! Помнишь, какъ мы въ первый разъ, ѣдучи въ Берлинъ, совсѣмъ въ другое мѣсто попали и пришлось обратно ѣхать да еще штрафъ заплатить?

— Еще-бы не помнить! Да вѣдь и нынче, изъ Берлина ѣдучи въ Кельнъ, чуть-чуть въ Гамбургъ не попали. А все ты... Потому никакихъ ты словъ не знаешь, а берешься съ нѣмцами и французами разговаривать.

— Ну, нѣтъ, нынче-то я ужъ подучился. Суди сама, какъ-же бы я могъ одинъ, безъ тебя, вотъ только съ Иваномъ Кондратьичемъ ходить по Парижу, пальто и шляпу себѣ и ему купить, пиджакъ, брюки и жилетъ, галстуки и даже въ парикмахерскую зайти, постричься и бороды намъ на французскій манеръ поставить! И вездѣ меня свободно понимали.

— Хорошо свободное пониманіе, коли изъ Ивана Кондратьича Наполеона сдѣлали, вмѣсто того, чтобы самымъ обыкновеннымъ манеромъ подстричь бороду.

— А ужъ это ошибка... Тутъ ничего не подѣлаешь. Я говорю французъ: „энь пе, но только а ля франсэ по французистѣ“. А онъ глухъ, что-ли, былъ этотъ самый парикмахеръ—цапъ, цапъ ножницами да и обкарналъ ему на голо обѣ щеки. А вѣдь этотъ сидитъ передъ зеркаломъ и молчитъ. Хоть-бы онъ слово одно, что, мошь, стой, мусье.

— Какое молчу! воскликнулъ Конуринъ.—Я даже за ножницы руками ухватился, такъ что онъ мнѣ вонъ палець порѣзалъ ножницами, но ничего подѣлать было невозможно, потому, бороду мою большую увидавши, разсвирѣпѣлъ онъ очень, что-ли, или ужъ такъ рвеніе, да въ одинъ моментъ и обкарналъ. Гляжусь въ зеркало—нѣтъ русскаго человѣка, а вмѣсто него французъ. Да, братъ, ужасно жалко бороды. Забыть не могу! вздохнулъ онъ.

— Наполеонъ! Совсѣмъ Наполеонъ! захохотала Глафира Семеновна.

— Ужъ хоть вы-то не смѣйтесь, Глафира Семеновна, а то, вѣрите, подчасъ хотъ заплакать, вотъ до чего обидно, сказалъ Конуринъ.—А все ты, Николай Ивановичъ. Вѣкъ тебѣ не прощу этого. Ты меня затащилъ въ парикмахерскую. „Не прилична твоя борода-лопатою для заграницы“.—А чѣмъ она была неприлична? Борода какъ борода... Да была вовсе и не лопатою...

— Ну, что тутъ! Брось! Стоить-ли о бородѣ разговаривать! Во имя французско-русскаго единства можно и съ наполеоновскою бородой походить, сказалъ Николай Ивановичъ...

— Единство... Наполеоновская... Да она и не наполеоновская, а козлиная.

— Кто патриотъ своего отечества и французскую дружбу чувствуетъ, тотъ и на козлиную не будетъ жаловаться.

— Тебѣ хорошо говорить, коли ты здѣсь съ женой, а вѣдь у меня жена-то въ Питерѣ. Какъ я ей покажусь въэдакомъ козлиномъ видѣ, когда домой явлюсь? Она можетъ не повѣрить, что мнѣ по ошибкѣ остригли. Скажетъ: „загулялъ, а мамзели тебя на смѣхъ въ пьяномъ видѣ и обкарнали“. Чего ты смѣешься? Дѣло заглазное. Ей все можетъ въ голову придти. Она дама сумнительная.

— Не бойся, отростетъ твоя борода къ тому времени. По Италіи поѣдемъ, такъ живо отростетъ. Въ Италіи, говорятъ, волосъ скорѣе травы растетъ, продолжалъ смѣяться Николай Ивановичъ.

Въ это время показался желѣзнодорожный сторожъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, объявляя, что поѣздъ готовъ и можно садиться въ вагоны. Всѣ засуетились и начали хватать свой ручной багажъ.

— Гарсонъ! Пейе! Комбьянъ съ насъ? кричалъ Николай Ивановичъ слугу, приготовляясь платить за сѣденное и выпитое.

II.

TOULON, Cannes, Nice, Monaco, Menton Ventimille! кричалъ заунывнымъ голосомъ желѣзнодорожный сторожъ, выкрикивая главныя станціи, куда идетъ поѣздъ, и продолжая звонить въ ручной колокольчикъ.

Гарсонъ медленно записывалъ передъ Николаемъ Ивановичемъ на бумажкѣ франки за сѣдненное и вышитое. Николай Ивановичъ нетерпѣливо потрясалъ передъ нимъ кредитнымъ билетомъ въ пятьдесятъ франковъ и говорилъ женѣ и спутнику:

— Ахъ, опоздаемъ! Ахъ, уйдетъ поѣздъ! Бѣгите хоть вы-то скорѣй занимать мѣста.

— А что хорошаго будетъ, если мы займемъ мѣста безъ тебя и уѣдемъ! отвѣчала Глафира Семеновна и торопила гарсона:—Плю вить, гарсонъ, плю вить.

Тотъ успокоивалъ ее, что до отхода поѣзда еще много времени осталось.

— Нонъ, нонъ, ну савонъ, что это значить! Въ Лионѣ изъ-за этого проклятаго расчета за ѣду, мы еле успѣли вскочить въ вагонъ и я въ попыхахъ тальму себѣ разорвала, говорила Глафира Семеновна гарсону по русски.—Хорошо еще тогда, что услужливый кондукторъ за талию меня схватилъ и въ купѣ пропихнулъ, а то такъ-бы на станціи и осталась.

— Ah, madame! улыбнулся гарсонъ.

— Что: мадамъ! Плю вить, плю вить. И ты тоже,

Николай Ивановичъ: сидишь и бобы разводишь, а нѣтъ, чтобы заранѣе разсчитаться! журила она мужа.

Разсчетъ конченъ. Гарсону заплочено и дано на чай. Посильщикъ въ синей блузѣ давно уже стоялъ передъ путешественниками съ ихъ багажемъ въ рукахъ и ждалъ, чтобы отправиться къ вагонамъ. Всѣ побѣжали за нимъ. Иванъ Кондратьевичъ тащилъ свою громадную подушку и бутылку краснаго вина, взятую про запасъ въ дорогу.

— Les russes... сказалъ имъ кто-то въ догонку.

— Слышишь, Николай Ивановичъ? Вотъ и французскія у насъ бороды, а все-равно узнаютъ, что мы русскіе, проговорилъ Иванъ Кондратьичъ.

— Это, братъ, по твоей подушкѣ. Еще-бы ты съ собою перину захватилъ! Здѣсь, кромѣ русскихъ, никто съ подушками по желѣзнымъ дорогамъ не ѣздитъ. Въ первую нашу поѣздку за границу мы тоже захватили съ собою подушки, а ужъ когда нацивилизовались, то теперь шабашъ.

Сѣли въ купѣ вагона, но торопиться, оказалось, было вовсе не зачѣмъ: до отхода поѣзда оставалось еще полчаса, о чемъ объявилъ кондукторъ спрашивавшей его на ломанномъ французскомъ языкѣ Глафирѣ Семеновиѣ и въ поясненіе своихъ словъ поднялъ указательный палецъ и пальцемъ другой руки отдѣлилъ отъ него половину.

— Господа! Гарсонъ-то не совралъ. Намъ до поѣзда еще полъ-часа осталось, заявила она своимъ спутникамъ.

— Да что ты! воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Вотъ это я люблю, когда безъ горячки и съ прохлад-

цемъ. Это по-русски. Тогда я побѣгу въ буфетъ и захвачу съ собой въ дорогу полъ-бутылки коньяку. А то въ попыхахъ-то мы давеча забыли захватить.

— Не надо. Сиди, когда ужъ сѣлъ. Вѣдь есть съ собой бутылка красного вина.

Мимо оконъ вагоновъ носили газеты, возили на особо-устроенной телѣжкѣ продающіяся по франку маленькія подушки съ надписью: „les oreillers“.

— Вотъ съ какими подушками французы путешествуютъ,—указалъ Николай Ивановичъ Ивану Кондратьевичу.—Купятъ за франкъ, переночуютъ ночь, а потомъ и бросятъ въ вагонѣ. А ты вѣдь таскаешь съ собой по всей Европѣ въ полъ-пуда перину.

— Да что-жъ ты подѣлаешь, коли жена навязала такую большую подушку,—отвѣчалъ тотъ. — „Бери, говоритъ, бери. Самъ потомъ радъ будешь. Приляжешь въ вагонѣ и вспомнишь о женѣ“.

Глафира Семеновна прочла надпись на телѣжкѣ съ подушками и сказала:

— Вотъ, поди-же ты: насъ въ пансіонѣ учили, что подушки по французски „кусенъ“ называются, а здѣсь ихъ зовутъ „орелье“. Вонъ надпись, „орелье“.

— Цивилизація здѣсь совсѣмъ другая—вотъ отчего, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Здѣсь слова отполированные, новомодныя, ну, а у насъ все еще на старый манеръ. Вѣдь и у насъ по-русски есть разница. Да вотъ, хоть-бы взять фуражку. Въ Петербургѣ, по цивилизаціи она фуражкой зовется, а поѣзжай въ Угличъ или въ Любимъ—картузь.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя шляпу котелкомъ и,

доставъ изъ кармана мягкую дорожную шапочку, надѣлъ ее на голову.

— И не понимаю я, Иванъ Кондратьичъ, зачѣмъ ты себѣ такой шапки дорожной не купилъ! И дешево, и сердито, и укладисто.

— Да вѣдь это жидовская ермолка. Съ какой-же стати я, русскій, православный купецъ...

— Да и я русскій, православный купецъ, однако купилъ и ношу.

— Мало-ли что ты. Ты вонъ въ Парижѣ улитокъ изъ раковинъ жралъ, супъ изъ черепахи хлебалъ, а я этого вовсе не желаю.

— Чудакъ! Выѣхалъ за границу, такъ долженъ и цивилизаціи заграничной подражать. Зачѣмъ-же ты выѣхалъ за границу?

— А чортъ знаетъ зачѣмъ. Я теперь и ума не приложу, зачѣмъ я поѣхалъ за границу. Ты тогда сбиль меня у себя на блинахъ на масляной. „Поѣдемъ да поѣдемъ, всѣ заграничные трактиры осмотримъ, посмотримъ какъ сардинки дѣлають“. Я тогда съ пьяныхъ глазъ согласился, по рукамъ ударили, руки люди розняли, а ужъ потомъ не хотѣлъ пятиться, я не паченый купецъ. Да кромѣ того и передъ отъѣздомъ-то все на каменку поддавалъ. Просто, будемъ такъ говорить, въ пьяномъ видѣ поѣхалъ.

— Такъ неужто тебѣ за границей не нравится? Вотъ ужъ ты видѣлъ Берлинъ, видѣлъ Парижъ...

Иванъ Кондратьевичъ подумалъ и отвѣчалъ:

— То есть какъ тебѣ сказать... хорошо-то оно хорошо, только ужъ очень шумно и безпокойно. Торо-

пимся мы словно на пожаръ. Покою никакого нѣтъ. У насъ дома на этотъ счетъ лучше.

— Ахъ, сѣрое невѣжество!

— Постой... зачѣмъ сѣрое? Здѣсь совсѣмъ порядки не тѣ. Вотъ теперь постъ великій, а мы скоромъ жремъ. Ни бани здѣсь, ни чернаго хлѣба, ни баранокъ, ни грибовъ, ни пироговъ. Чаю даже ужъ двѣ недѣли настоящимъ манеромъ не пили, потому какой это чай, коли ежели безъ самовара!

— Да, чай здѣсь плохъ и не умѣютъ его заваривать,—согласился Николай Ивановичъ. — Или не кипяткомъ заляютъ, или скипятятъ его.

— Ну, вотъ видишь. Какой-же это чай! Пьешь его и словно пареный вѣникъ во рту держишь.

— За то кофей хорошъ, замѣтила Глафира Семеновна.

— А я кофей-то дома только въ Христовъ день пью. Нѣтъ, братъ, заскучаль я по домѣ, крѣпко заскучаль. Да и о женѣ думается, о ребятишкахъ, о дѣлѣ. Конечно, надъ лавками старшій прикащикъ оставлень, но вѣдь старшій прикащикъ тоже не безъ грѣха. Изъ чего-же нибудь онъ себѣ двухъэтажный домъ въ деревнѣ, въ своемъ мѣстѣ построилъ, когда ѣздилъ домой на побывку. Двухъэтажный деревянный домъ. Это ужъ при мнѣ-то на деревянный домъ капиталъ сколотилъ, ну, а безъ меня-то, пожалуй, и на каменный сколотить, охулки на руку не положить. Знаю, самъ въ прикащикахъ живаль.

— Плюнь. У хлѣба не безъ крохъ.

— Расплюешься, братъ, такъ. Нѣтъ, я о домѣ